

УДК 355.415.8(470.44)|18/20|+929

«ПОДАЛИ ПРОШЕНИЕ О ПРИЧИСЛЕНИИ В МЕЩАНЕ» (военнопленные Великой армии в саратовских городах)

В. П. Тотфалушин

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, TotfalushinVP@info.sgu.ru

Статья посвящена судьбе военнопленных Великой армии Наполеона, обосновавшихся в городах Саратовской губернии. В ней рассматриваются их численность, условия приема и проживания, а также особенности этой волны эмиграции и степень ее воздействия на местное общество.

Ключевые слова: военнопленные Великой армии, города Саратовской губернии.

«A Petition Submitted for Being Attached among
Commoners» (War Prisoners of the Great Army
in the Towns of the Saratov Province)

V. P. Totfalushin

Viktor P. Totfalushin, ORCID 0000-0002-9598-0691, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, TotfalushinVP@info.sgu.ru

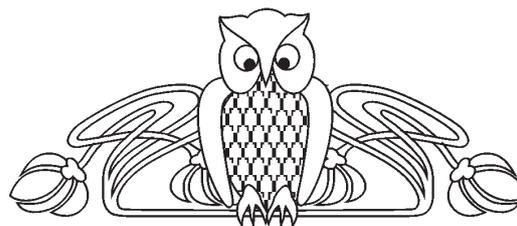
The article is devoted to the fate of the war prisoners of Napoleon's Great army, who settled in the towns of the Saratov province. Their number, conditions of reception and accommodation are considered, as well as the features of this wave of emigration and its impact on the local community.

Key words: war prisoners of the Great army, towns of the Saratov province.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-114-118

Одним из показателей весомости любой военной победы являются пленные, поэтому они как объект изучения представляют особый интерес при анализе военно-исторических событий. Но в отличие от других, вещественных показателей победы, военнопленные, будучи живыми людьми, нуждаются в особом отношении, цель которого – сохранить их жизни. Решение этой сложной для воюющей страны задачи всецело ложится на органы военной и государственной власти. При этом отношение к пленным является показателем степени гуманности различных слоев общества и государства в целом. Одновременно информация о пребывании военнопленных в плену позволяет получить новые данные о биографиях конкретных людей.

Судьба военнопленных армии Наполеона в России в последнее время не раз становилась предметом специальных исследований. При решении

этой сложной пространственно-временной задачи рассмотрены особенности препровождения, приема, содержания, дальнейшего пребывания, а также последствий жизни пленных в пределах Российской империи¹.

Однако заявленная нами тема еще не становилась предметом специального исследования, хотя в ряде работ и затрагивалась. А между тем этот сюжет важен уже потому, что речь идет фактически об очередной волне европейских эмигрантов, обосновавшихся в России и, без сомнения, оставивших свой след в истории российского общества.

Определенный интерес к этому вопросу стал проявляться в конце XIX – начале XX века. Так, судьбой пленных, пожелавших остаться в Саратовской губернии, интересовался Ф. В. Духовников, назвавший имена нескольких новых горожан из их числа². Стимулом к дальнейшему изучению темы стал столетний юбилей Отечественной войны 1812 года. В результате в сборнике Саратовской ученой архивной комиссии, подготовленном Н. Ф. Хованским, появился специальный раздел о военнопленных³.

В советский период данная тема выпала из поля зрения историков и краеведов. И лишь несколько лет назад Б. П. Миловидов рассмотрел формирование российского законодательства относительно пребывания пленных в России, в том числе в саратовских городах⁴.

Источники по изучаемой проблеме многообразны; в первую очередь это делопроизводственная документация, отложившаяся в центральных и местных архивах. К сожалению, сведения, представленные в делопроизводственных материалах, подчас отличаются неполнотой и неточностью. Так, по мере увеличения количества пленных наблюдается падение интереса к ним властей, что отразилось в возрастающей лаконичности записей. Кроме того, серьезной помехой является вопиющая неграмотность чиновников, беспощадно уродующих фамилии и имена иноземцев.

Одним из важных делопроизводственных документов для изучения вопроса стал «Алфавит военнопленных», опубликованный Б. П. Миловидовым⁵. Он был составлен по распоряжению главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова, предписавшего в мае 1816 г. всем начальникам губерний доставить именные списки всех военнопленных, «до сего времени еще в России находящихся, по какому бы случаю и под каким бы предлогом они ни оставались». Документ сохранился в Российском

государственном историческом архиве в комплексе дел Особенной канцелярии Министерства полиции. По предположению публикатора, основная информация, отложившаяся в нем, восходит к середине 1816 – началу 1817 г., позднее (1819–1825) к ней, очевидно, делались дополнения⁶.

В 1836 г. французское посольство затребовало список всех французов, принявших русское подданство с 1813 по 1827 г., что, несомненно, также было связано с проблемой пленных. В связи с этим был издан циркуляр Министерства внутренних дел о сборе сведений по губерниям, которые должны были направляться в Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии. Результатом стала «Ведомость о проживающих в Саратовской губернии французах», обнаруженная нами в Государственном архиве РФ⁷.

Наконец, в Государственном архиве Саратовской области содержится делопроизводственный материал, небольшая часть которого недавно опубликована⁸, отложился в фондах № 1, 2, 3, 28, 94 и 180.

Раскрыть заявленную тему помогают также законодательные акты, регулировавшие условия принятия подданства пленными.

Постепенное продвижение неприятеля вглубь России заставило военное командование и органы гражданской власти выбирать для размещения военнопленных все более отдаленные территории, среди которых оказалась и Саратовская губерния. Всего в 1812–1814 гг. здесь транзитом или на постоянной основе побывало приблизительно 6300 военнопленных, из которых 1080 чел. умерло и около 300 чел. осталось на постоянное жительство⁹.

Первопричиной появления новых жителей в российских городах стало циркулярное распоряжение С. К. Вязьмитинова гражданским губернаторам от 26 августа 1812 г., в котором он предписывал, чтобы пленных «размещали ... для жительства не только в одних губернских, но и в уездных городах...»¹⁰ А в декабре, когда содержание военнопленных тяжким бременем легло на русскую казну, Комитет финансов вознамерился предложить «художникам, мастеровым и работникам» из числа пленных трудиться на мануфактурах за «обыкновенную плату или содержание, какое получают работники и мастеровые тех ремесел, к которым они употреблены быть могут. <...> На сем основании можно всех их раздать, как на казенные фабрики и заводы, так и частным содержателям, которые принять их пожелают». Прочие «могут быть употребляемы ... на ... различные простые работы в Москве и других городах...»¹¹, что также способствовало оседанию пленных в городах.

Наконец, русское правительство было заинтересовано, чтобы какая-то часть военнопленных осталась в России на постоянное жительство. Циркуляром МВД от 4 июля 1813 г. военнопленным Великой армии разрешалось принимать русское подданство и жить затем «вольным человеком» в любом месте Российской империи, кроме столиц.

При этом новообращенные подданные в девяностидесятилетний срок должны были избрать себе род занятий и сословие¹².

В этой связи возник вопрос о льготах по податям и повинностям для новых поданных, и Положение Комитета министров от 9 сентября 1813 г. установило десятилетнее освобождение от всех податей и повинностей для пленных, которые приписывались в мещане¹³.

На территории Саратовской губернии в начале XIX в. было 10 городов и один посад – Дубовка. По нашим наблюдениям, пленные остались на жительство в восьми из них, никто не осел лишь в Дубовке, Камышине и Царицыне. При этом подавляющее количество новоселов появилось в городах, лежащих на больших почтовых трактах, по которым транспорты военнопленных прибывали и покидали территорию губернии: вдоль Волги через Хвалынский – Вольск – Саратов и далее через Аткарск – Балашов или через Аткарск – Петровск – Сердобск. Общее количество пленных, осевших на постоянное или временное жительство в саратовских городах, по нашим подсчетам, составило порядка 75 человек. Максимальное количество – около 40 человек – избрали губернский центр, далее следуют Кузнецк – 10. Сердобск – 9, Петровск – 7, Аткарск – 6, Вольск – 5, Балашов – 3 и Хвалынский – 2.

Однако точные цифры оставшихся в городах назвать затруднительно, поскольку новые подданные часто меняли место своего проживания. Например, Пьер Игон, работавший в Саратове трубчистом, в 1815 г. пожелал приписаться в мещане Хвалынска¹⁴. Аткарские мещане Пьер (Петр Иванов) Каира (Кайро) и Антуан (Антон) Кабас (Кабасси) в 1824 г. перешли в саратовские¹⁵. Бывший капрал французской гвардии, каретник по профессии Жан (Иван) Гайяр (Галлиер) из саратовских цеховых переписался в вольские¹⁶. Итальянец Жозепо (Иозеф, Осип) Фурно из кузнецких мещан перешел в вольские¹⁷, а легендарный Пьер (Николай Андреевич) Саван (Савен, Савель) в 1839 г. из хвалынских мещан – в саратовские¹⁸.

В Кузнецком уезде шесть человек: Бартоломе (Бартоломи) Лампиани (Лампион), Даниель (Данила) Масли (Александр Николаев), Жозеф (Иозеф) Матье, Франсуа (Франц) Оливье (Иван Петров), Морис Оттино (Антонио), Антоний (Антон, Егор) Францино (Францин) (Михаил Петров)¹⁹, записанных в крестьяне д. Кузнецовка (Каменка тож) вынуждены были переписаться в кузнецкие мещане из-за отсутствия земельных наделов²⁰.

Наблюдалось и переселение в города пленных из иностранных колоний на Волге. Например, уже 18 декабря 1814 г. Контора опекунства иностранных переселенцев разослала требование «о сыске и высылке в оную самовольно отлучившихся из колоний 25-ти человек военнопленных <...> к водворению между колонистами...» Расследование показало, что «многие из записанных» в колонии «по ремеслам своим <...> имеют проживание в городе Саратове и уездных сей губернии городах».

Им было предложено явиться за паспортами «на свободное проживание...» А 29 марта 1815 г. последовал указ Конторы «о предоставлении свободы военнопленным, вступившим в подданство, <...> буде пожелают кормиться художествами и ремеслами, избрать себе жительство в столицах и в губернских и уездных городах...»²¹

Из колонии Екатериненштадт в Саратов переехали столяр Конрад Вамеганц (Валиганц, Вамганц), Теодор Клумп (Клюмп), Христиан Фишер, который имел в городе суконное производство²². В 1815 г. туда же переехал колонист колонии Скатовка Стефан (фон) Аркель, который сначала работал «по найму», а затем устроился «у содержателя пенсiona Ранцевича»²³, за ним последовал колонист той же колонии Степан (Стефан Антон) Принц²⁴. Еще один несостоявшийся колонист Оноре Золя (Жоли, Жолис), который «ни в какой колонии не приписан», пожелал «быть записанным по городу Вольску в мещане»²⁵.

Впрочем, наблюдался и обратный процесс: Иоганн Тоскан, работавший в Саратове трубочистом, сначала пожелал приписаться в мещане г. Хвалынска, но затем «по желанию его» был записан в число колонистов колонии Панской²⁶.

Поляк Юзеф Герлатовский, прибывший в губернскую столицу из Астрахани в октябре 1815 г., не вступив в саратовское мещанство, из города отлучился и в июне 1817 г. был «взят в городе Камышине с фальшивым билетом», который сам же изготовил «для наемки по деревням в земские писари». На тот момент он служил в с. Грязнуха Камышинского уезда (ныне с. Вишневое Жирновского р-на Волгоградской обл.), откуда и «поехал в город»²⁷.

На жительство в д. Кузнецовка (Каменка тож) остался Данила Масли (Михаил Петров), в июне 1817 г. подавший прошение в Казенную палату, рассказав следующее. Еще в 1814 г. «производил одно лето хлебопашество», но в том же году «жители оной деревни, отобрав от меня землю, запретили обрабатывать оную, говоря, что будто я, по просьбе их, отчислен в кузнецкие мещане...» Проведенное расследование установило, что он «всегдашнее жительство» имеет в д. Кузнецовка, где «сейчас обзавелся домашнею экономией» и где женился «на поселянке казенного ведомства», а в кузнецких мещанах по 7-й ревизии не показан. На основании этого Казенная палата постановила вновь причислить его в число крестьян д. Кузнецовки²⁸.

17 августа 1814 г. вышел указ о возвращении пленных всех наций (даже присягнувших на подданство) по их желанию в свое отечество²⁹, в дальнейшем неоднократно подтвержденный, которым воспользовались и некоторые саратовские новоселы. Так, в 1823 г. вернулся на родину саратовский мещанин Николай Кюттар³⁰, а в 1826 г. – Жан Этьен Ванни (Ванье, Ваньер)³¹. А вот Савену в 1834 г. в возвращении на родину было отказано³².

Еще во время своего плена некоторые чужеземцы стремились к более глубокой интеграции в русское общество. Уже на заседании 21 января

1813 г. Комитет министров рассматривал внесенную Вязмитиновым записку о желании нескольких пленных в Саратовской губернии принять греко-российскую веру. Саратовский губернатор ставил перед петербургскими властями вопрос о том, следует ли после крещения считать их по-прежнему военнопленными, или «дать им свободу на избрание рода жизни». Однако Комитет решил дозволить крестившимся в православие пленным избрать род жизни только в том случае, если они примут еще и присягу на подданство³³.

Теперь же, оказавшись в иной культурной среде, на этот путь встали многие новые горожане, некоторые из них вслед за тем обзавелись семьями. Так, кузнецкий мещанин француз Франсуа (Франц) Оливье стал Иваном Петровым³⁴. Николай Андреевич Савен (Пьер Саван) в 1816 г. женился на симбирской купеческой дочери Прасковье Сергеевой, с которой прижил детей Павла, Александра, Авдотью и Акулину³⁵; итальянец Андрей Иванов (оригинальная фамилия не установлена) из Аткарска в январе 1823 г. – на вдове Анне Осиповой³⁶; Иван Федоров (Оноре Золя) – на вольской мещанке Агафье Михайловой, в браке с которой родились Яков (1818), Михаил (1826), Наталья (1829) и Лукерья (1832)³⁷; «лифляндский уроженец французского подданства», а затем петровский мещанин Петр Александров Ложин (оригинальная фамилия не установлена) – на мещанской дочери Акинье Кузьминой, которая родила ему сыновей Николая, Ивана и Кирилла³⁸.

Саратовский мещанин, венгр по национальности Михаил Федоров Григорьев (Ян Гриуш) был женат на вольноотпущеннице Акилине (Акулине) Косьминой Тимофеевой и имел сыновей Александра (1816) и Василия (1819)³⁹. Связан узами брака был и саратовский мещанин Николай Кюттар, который хотел выехать в отечество «с женою и детьми»⁴⁰. По ревизии 1835 г. имел жену Марию и аткарский мещанин Жан Батист Шевре (Шеверье)⁴¹.

Большинство пленных (порядка 55 человек), оставшихся в городах, записались в мещане, около десятка – в цеховые мастера, три человека стали приказными. Сфера деятельности новоиспеченных горожан была различна, но большинство из них было занято в ремесленно-промышленном производстве или в сфере обслуживания.

Антуан (Антон) Куро, Николай Савен и Жозеф (Иосиф Петров) Сикар (Сикард) из г. Монпелье, проживавший в Саратове во 2-й части в 6-м квартале в доме мещанки Плехановой, «занимались учением детей»⁴². Оноре Золя, поселившись в городе, поступил в услужение в дом бывшего секретаря вольского земского суда Аврама Васильева Шварева⁴³.

Любопытна личность унтер-офицера французского 11-го гусарского полка Луи Жерсе. По всем спискам пленных он проходил как француз, но когда в 1816 г. правительство стало уточнять сведения о бывших военнопленных, принявших подданство России, о Жерсе было сообщено, что он – англичанин. Тогда же была уточнена его фамилия (скорее

всего, исковерканная русской орфографией) – Черный. Приняв присягу в Пензе в 1814 г., он вскоре переехал в Саратов, став приказным⁴⁴.

Особое место среди военнопленных занимали медики, ибо их труд в условиях военных действий был одним из самых востребованных. Ещё в декабре 1812 г. М. И. Кутузов разрешил использовать пленных врачей для лечения больных пленных, а в случае необходимости – и для работы в российских госпиталях, но под надзором. В дальнейшем пленные врачи по своему желанию могли вступить в русскую службу, подвергшись предварительно экзамену главного медицинского инспектора по армии. Оказывать помощь гражданскому населению чужестранцам также разрешалось только после сдачи экзамена. Сдать его было достаточно сложно, поэтому многие иностранцы на это не решались⁴⁵.

В Саратове на это отважился подлекарь польского 8-го уланского полка Игнатий (Осип) Доморацкий, который уверял, что в полку был лекарем и имел в этой специальности восьмилетний стаж. Саратовская врачебная управа провела ему испытание в медицинских науках и нашла, что проситель не имеет в медицине никаких познаний. Тогда Доморацкий, не смутившись, стал просить об определении его в лекарские ученики, но и в этом ему было отказано⁴⁶. В конечном итоге он был принят в штат Канторы иностранных поселенцев «с чином копииста», однако уже в мае 1816 г. «желание возымел определиться в другое присутственное место сей или иной губернии...», почему и попросил от службы его уволить⁴⁷.

Другой оставшийся в Саратове пленный медик – голландец хирург (старший лекарь) 124-го полка линейной пехоты майор Жан (Иоганн) Андреас Фонтен – также обратился с просьбой о вступлении в подданство и приеме на службу. 7 мая 1814 г. было вынесено решение, что он «может быть принят в подданство России», а после этого «просить... по команде» о вакансии доктора при Саратовской канторе опекунов⁴⁸. Но предварительно ему было нужно выдержать «экзамен в Императорской Медико-хирургической академии в Московском отделении, или в одном из Российских университетов, для получения права на врачебную практику»⁴⁹, что он, очевидно, с успехом и сделал⁵⁰.

Таким образом, эта волна эмиграции в города Саратовской губернии была достаточно малочисленной и имела свои особенности, главная из которых состояла в том, что ее представители, в отличие от аристократической эмиграции эпохи Великой французской революции, были выходцами из средних и низших слоев европейского общества. В силу этого большая часть пленных принадлежала к нижним чинам и оказалась зачислена в податные сословия.

О характере влияния пленных, оставшихся в городах губернии, на местное общество судить трудно, особенно если учесть, что они не могли быть носителями интеллектуальных идей, очевидно, поэтому мало кто из них стал учителем или гувернером. Что касается ремесленников из числа пленных, то они

по традиции тщательно скрывали свои секреты от русских конкурентов, хотя определенные знания передали. Так, до войны с Наполеоном русские умели шить только прошивные сапоги, от пленных же они научились шить и рантовые⁵¹.

Правда, существует еще историографическая традиция, согласно которой один из пленных Петр Иванович Кайро в 1815 г. основал в Саратове первую лавку курительного и нюхательного табака⁵². Однако изначально он был аткарским мещанином и, по архивным данным, в саратовские переписался только в 1824 году⁵³. Столь поздняя дата его переселения в губернский центр позволяет поставить эту традицию под сомнение.

Имена большинства военнопленных Великой армии, которые жили среди саратовцев, впоследствии забылись, за исключением Савена. О некоторых их потомках вспомнили лишь в начале XX века. Сначала газеты сообщили о смерти Е. Н. Савен⁵⁴, а затем в связи со столетием Отечественной войны 1812 года – о том, что в Саратове проживают Е. И. Ильина – дочь военного врача Ивана фон Теина и Т. П. Маршалковский – сын унтер-офицера, сопровождавшего Наполеона на о. Эльба⁵⁵.

Примечания

- 1 См.: Бессонов В. А., Миловидов Б. П. Библиография работ, опубликованных в СССР и России, о военнопленных Великой армии 1812–1815 гг., 1974–2010 // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 581–593.
- 2 См.: Духовников Ф. В. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край: ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 248, 249, 251.
- 3 См.: Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / сост. Н. Ф. Хованский. Саратов, 1912. С. 229–267.
- 4 См.: Миловидов Б. П. Пленные Великой армии, оставшиеся в России: к постановке проблемы // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: материалы всерос. науч. конф. Малоярославец, 2009. Вып. XVII. С. 78–137.
- 5 См.: Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 года / публ. Б. П. Миловидова // Тр. ГИМ. М., 2010. Вып. 183: Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX: сб. материалов: к 200-летию Отечественной войны 1812 года. С. 265–338.
- 6 См.: Миловидов Б. П. Пленные Великой армии... С. 104–105.
- 7 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. Экз. 1834 г. Д. 90. Л. 106–108 об.
- 8 И мирный гражданин бесстрашный воин стал: 1812 год в документах Государственного архива Саратовской области / сост. И. Н. Плешаков, В. П. Тотфалушин. Саратов, 2014.
- 9 См.: Бессонов В. А., Тотфалушин В. П. Военнопленные

- Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года : материалы всерос. науч. конф. (Саратов, 30 мая – 1 июня 2002 г.). Саратов, 2002. С. 175.
- ¹⁰ Цит. по: Шведов С. В. Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии из России. Малоярославец, 2000. С. 65.
- ¹¹ Мнение министра финансов о содержании пленных, 1812 г. // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным : в 10 ч. М., 1900. Ч. 5. С. 67.
- ¹² См.: Полное собрание законов Российской империи – 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 32. С. 593, 606–607.
- ¹³ См.: Миловидов Б. П. Пленные Великой армии... С. 79–80, 86.
- ¹⁴ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 180. Оп. 1. Д. 93. Л. 22, 84.
- ¹⁵ См.: ГАСО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 661. Л. 66 об. ; Ф. 28. Оп. 1. Д. 796. Л. 277 об.
- ¹⁶ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 268. Л. 2–4 ; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Экс. 1834 г. Д. 90. Л. 108 об.
- ¹⁷ См.: Алфавит военнопленных... С. 332 ; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Экс. 1834 г. Д. 90. Л. 108 об.
- ¹⁸ См.: И мирный гражданин бесстрашный воин стал. С. 128.
- ¹⁹ См.: Алфавит военнопленных... С. 311, 314, 315, 318, 332.
- ²⁰ См.: Участие Саратовской губернии... С. 243–244.
- ²¹ Тотфалушин В. П. «Пожелали записаться в число колонистов...» (военнопленные Великой армии в саратовских колониях) // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России : материалы 15-й междунар. науч. конф. (Маркс, 5–9 авг. 2015 г.). М., 2016. С. 54.
- ²² См.: Духовников Ф. В. Немцы, другие иностранцы... С. 251.
- ²³ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 94. Л. 601–601 об. ; Д. 98. Л. 206–206 об.
- ²⁴ См.: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 93. Л. 886 ; Алфавит военнопленных... С. 320.
- ²⁵ Тотфалушин В. П. «Пожелали записаться в число колонистов...». С. 55.
- ²⁶ См.: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 93. Л. 22–22 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–6 об.
- ²⁸ Участие Саратовской губернии... С. 244–245.
- ²⁹ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века : документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1 : 1801–1815 гг. : в 8 т. М., 1972. Т. VIII. С. 92.
- ³⁰ См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 189. Л. 1, 3 об.
- ³¹ См.: И мирный гражданин бесстрашный воин стал. С. 127.
- ³² См.: Новое о легендарном Савене / публ. и коммент. В. П. Тотфалушина // Тр. ГИМ. М., 2004. Вып. 142 : Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историкография. III : сб. материалов : к 200-летию Отечественной войны 1812 года. С. 234–236.
- ³³ См.: Миловидов Б. П. Пленные Великой армии... С. 79.
- ³⁴ См.: Государственный архив Пензенской области. Ф. 383. Оп. 1. Д. 7. Л. 53–54 об., 56–56 об.
- ³⁵ См.: Новое о легендарном Савене. С. 234.
- ³⁶ См.: Участие Саратовской губернии... С. 246.
- ³⁷ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1642. Л. 10–10 об.
- ³⁸ Там же. Д. 2572. Л. 11 об. 12, 14.
- ³⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1455. Л. 13, 15–17.
- ⁴⁰ См.: ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 189. Л. 1.
- ⁴¹ См.: ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 796. Л. 273 об. 274.
- ⁴² См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Экс. 1834 г. Д. 90. Л. 108 ; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 410. Л. 40–41 ; Духовников Ф. В. Немцы, другие иностранцы... С. 251.
- ⁴³ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1642. Л. 10 об.
- ⁴⁴ См.: Миловидов Б. П., Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XIII всерос. науч. конф. (Бородино, 5–7 сент. 2005 г.). М., 2006. С. 266.
- ⁴⁵ См.: Миловидов Б. П. Военнопленные медики Великой армии // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях : материалы всерос. науч. конф. Малоярославец, 2006. Вып. XIV. С. 177–189.
- ⁴⁶ См.: Участие Саратовской губернии... С. 245.
- ⁴⁷ См.: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 94. Л. 411, 538 об. 539 ; Д. 98. Л. 953 об.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 255.
- ⁴⁹ И мирный гражданин бесстрашный воин стал. С. 124.
- ⁵⁰ См.: «Фонтень Иоганн, хирург, голландец, живет в Саратове» (Алфавит военнопленных... С. 332).
- ⁵¹ См.: Хованский Н. Ф. О прошлом города Саратова. Саратов, 1891. С. 27.
- ⁵² См.: Духовников Ф. В. Немцы, другие иностранцы... С. 249 ; Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край. С. 59 ; Мишин Г. А. Из прошлого Саратовской губернии. Саратов, 2002. С. 35.
- ⁵³ См.: ГАСО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 661. Л. 66 об.
- ⁵⁴ См.: Хроника // Саратовский листок. 1901. 20 июля.
- ⁵⁵ См.: Саратовский листок. 1912. 22 авг. ; Хованский Н. Ф. Дополнение к сборнику «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года» // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 113.

Образец для цитирования:

Тотфалушин В. П. «Подали прошение о причислении в мещане» (военнопленные Великой армии в саратовских городах) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 114–118. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-114-118.

Cite this article as:

Totfalushin V. P. «A Petition Submitted for Being Attached among Commoners» (War Prisoners of the Great Army in the Towns of the Saratov Province). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 114–118 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-1-114-118.